

В. В. НИКУЛЬЦЕВА
Москва

Идентичные окказионализмы в творчестве Игоря Северянина и Владимира Маяковского

Не является секретом, что идентичные индивидуально-авторские неологизмы бытуют в языке разных поэтов, творивших в одну эпоху. Подобные словоновшества выдвигают проблему авторства: кто из писателей «придумал» новое слово, а кто заимствовал его у коллеги как наиболее удачное, семантически емкое и благозвучное? Вопросы, казалось бы, нерешаемые.

Игорь Северянин и Владимир Маяковский не случайно считаются друзьями-соперниками. Оба поэта создали уникальные поэтические системы, в рамках которых сложились индивидуальные стили каждого. Общим компонентом своеобразных идиостилей Северянина и Маяковского являются лексические неологизмы, часть которых абсолютно совпадает либо по форме, либо по значению, либо и в том и в другом отношении сразу. Такие идентичные образования представляют большой интерес. Возникли ли они параллельно в языке писателей или налицо процесс заимствования одним поэтом удачной словоформы, созданной другим?

Из поэтического языка обоих поэтов мы взяли 57 идентичных неологизмов. Абсолютными двойниками можно считать слова, обладающие тождественным лексическим значением и морфемным составом, произведенные одинаковым способом, но не всегда имеющие сходную стилистическую функцию. Это такие слова, как *нудь*, *стихóзы*, *сверхдреднóут* (*сверхдреднóт*), *мóрево*, *зальдítься*, *хáмий*, *оветрeнный*, *слёзовый*, *весeниться*, *огне́ть*, *оди́ночь*, *рьянь*, *дру́жий*, *ца́рий*, *сонь*, *новь*, *белёсо*, *лазóрье*, *острóжно*, *у́тло*.

Существительные *нудь* («что-либо нудное, повторяющееся, вызывающее раздражение») и *сонь* («сонное состояние») являются безаффиксными образованиями на основе прилагательных *нудный* и *сонный*. Существи-

тельное *рьянь* («резвость, усердность; рьяность») — усечение, образованное на базе слова *рьяность*. Все три существительных имеют значение абстрактности признака. Семантико-стилистическое звучание этих образований обусловлено поэтическим контекстом. И у Маяковского, и у Северянина существительные *нудь* и *рьянь* имеют отрицательную оценочную сему, и поэтому их употребление создает соответствующий эмоциональный настрой; ср.:

Какая нудь! здесь все свиное:
Мечты, глаза, окорока!
(Северянин. Поэма о Полтаве);
О, сколько нуди такой городимо,
от которой
мухи падают замертво!
(Маяковский.
Четырехэтажная халтура).

Аналогично ведет себя в контексте и слово *рьянь*; ср.:

Бывает: сразу станут дни пусты.
Рьянь стихнет в них...
(Северянин. В пустые дни);
Высунув языки,
разинув рты,
носятся нэписты
в рьяни,
в яри...
(Маяковский. Бюрократиада).

Кому из поэтов принадлежит авторство идентичных словоформ? Попытаемся это установить.

Основной критерий здесь — хронологический; иными словами, определяется, в каком году написано произведение, включающее окказионализм. Второй критерий — частотность употребления словоновшества. Однако он не всегда объективен, так как Маяковский, в отличие от Северянина, часто использовал неологизмы «к случаю», т. е. единично. И третий критерий — так называемый «бытовой»,

эпистолярно-биографический: на основе анализа переписки с друзьями, а также на основе просмотра статей современников поэтов выясняется, не употреблялось ли сходное слово тем или иным писателем в устной речи. Однако этот критерий будет справедлив лишь по отношению к неологизмам Маяковского, поскольку личный архив Северянина, в том числе большая часть переписки, сгорел в Эстонии.

Итак, слова *нудь* и *сонь* впервые были употреблены Северяниным соответственно в 1915 («Настройка лиры») и 1910 («Громокипящий кубок») гг., причем слово *сонь* очень частотно в поэзии Северянина; существительное *рьянь* — новшество Маяковского, впервые отмечено у него в 1922 г. («Бюрократиада»), тогда как Северянин, внимательно следивший за успехами друга-соперника из-за границы, употребил это слово только в 1928 г. (сб. «Классические розы»).

Составитель «Словаря неологизмов В. В. Маяковского» Н. П. Колесников не включает в словник лексему *сонь*, мотивируя свое решение таким образом: «Составитель воздержался от не критического включения в «Словарь неологизмов В. В. Маяковского» таких слов, которые отмечаются позднейшими словарями (т. е. вышедшими в свет после смерти поэта)...»¹. Называя *сонь* «потенциальным неологизмом» Маяковского, создатель Словаря не исключает того, что это слово принадлежит поэту; однако сравнительный анализ употребления данного существительного в идиолектах Северянина и Маяковского показывает, что *сонь* — слово Северянина.

Притяжательные прилагательные *хамий* («принадлежащий хаму»; «состоящий из хамов»), *дружий* («относящийся к другу; дружеский»), *царий* («принадлежащий царю; царский») образованы от основ существительных (*хам*, *друг*, *царь*) при помощи форманта *-ий*. Анализ стилистической роли

этих слов показывает, что слова *дружий* и *царий* имеют нейтральный характер, а *хамий* содержит оттенок пренебрежения:

И фрейлина царя, принцесса
Эльгина,
Жене моей как-то в интимной беседе
Поведала нечто о знатной милэди...

(Северянин. Кэнзель IV);

Народ
разорвал
оковы царьи,
Россия в буре,
Россия в грозе...

(Маяковский.
Владимир Ильич Ленин).

Слова *дружий* и *царий* принадлежат, несомненно, Северянину. Он впервые употребил их в 1907 («Поэзоантракт») и 1914 («Ананасы в шампанском») гг. соответственно, тогда как Маяковский «погрузил» их в поэтический контекст только в 1923 («Рабочий корреспондент») и 1924 («Владимир Ильич Ленин») гг. Относительно слова *хамий* возникают некоторые сомнения. Оно появилось в идиолектах обоих поэтов в 1920-е годы. Осенью 1922 г. в Берлине произошла встреча Маяковского и Северянина, и слово *хамий* могло родиться в устной речи и одинаково функционировать в их идиолектах, будучи закрепленным в языке художественной литературы несколько позже.

Это же касается слов *стихозы*, *сверхдредноут*, *лазорье*. Отметим, что слово *лазорье* (собирает. — «все, что имеет цвет ясного неба, цвет лазури») употреблено Северяниным впервые в 1913 г. («Златолира»), а Маяковским — в 1914—1915 гг., причем у последнего оно стилистически снижено; ср.:

О, безбрежное лазорье!
Душа парит! паря, творит!
(Северянин. Гризель);

Мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!
(Маяковский. Облако в штанах).

Весной 1913 г. Северянин отправился в турне по городам России с Ф. Сологубом и А. Н. Чеботаревской, а в

¹ Колесников Н. П. Словарь неологизмов В. В. Маяковского. — Тбилиси, 1991. — С. 9.

январе 1914 г. состоялась «Первая олимпиада российского футуризма», объединившая эго- и кубофутуристов. В этой поездке участвовал и Маяковский. Рожденное совместно слово *лазорь* можно признать коллективным неологизмом, хотя впервые его употребил Северянин.

Слово *стихозы* со значением «стихотворения» имеет иронический оттенок; ср.:

Не ваши ль гнусные стихозы
И «современья пароход»
Зловонные взрастили розы
И развратили весь народ?
(Северянин. Поэза дополнения).

Здесь слово явно приписывается кубофутуристам, на что недвусмысленно указывает цитата из «Манифеста футуризма»; ср. также:

Рынок
требует
любовные стихозы.
(Маяковский).
Не все то золото, что хозрасчет).

Оба процитированных отрывка создают некоторый парадокс: поэты, употребляя слово *стихозы* в явно ироническом ключе, как бы приписывают авторство своему сопернику. Вероятно, прозвучав как обидное название стихов (скорее всего, именно в устах Северянина, в поэтическом языке которого имеется родственное слово *стихозопотроха*) в 1919 г. («Менестрель»), оно стало коллективным и «отверженным» неологизмом.

Существительное *сверхдредноут* также появилось в 1920-е годы, т. е. в период наивысшего расцвета творческой полемики Северянина с Маяковским, у первого — в «утопической поэме» «Солнечный дикарь» (1924), у второго — в поэме «Хорошо!» (1927). Ср.:

«Сверхчеловеком» значишься теперь
И шлешь «врагу» ультимативно ноты.
И в глупом чванстве строишь ты,
сверхзверь,
Сверхзверские, как сам ты,
сверхдредноты!
(«Солнечный дикарь»);

А
поверх
всех
с пушками
чудовищной длинноты
сверх-
дредноуты...
(«Хорошо!»).

Наречия *моревое*, *белесо*, *острожно*, *утло* образованы от соответствующих прилагательных (*моревый*, *белесый*, *острожный*, *утлый*). Три последние формы прилагательных узуальные, но словари не фиксируют производные от них наречия, которые мы рассматриваем как неологизмы. Слова *белесо* и *острожно*, бесспорно, северянинские, так как впервые употреблены им соответственно в 1911 («Эскизетка») и в 1914 г. («Поэза истребления»). У Маяковского слово *белесо* впервые отмечено в 1918 г. («Мистерия-буфф»), а *острожно* — в 1921 г.:

Что же делать?
Поджигателей наказывать острожно...
(«Близится сушь». Окна РОСТА).

Отметим, однако, что в контексте Северянина *белесо* употреблено как наречие, а у Маяковского (в ремарке драматического произведения) — как слово категории состояния:

Рай. Облако на облаке. Белесо.
(«Мистерия-буфф»).

Несмотря на различную частеречную соотнесенность, оба слова нейтральны в стилистическом отношении и семантически ничем друг от друга не отличаются, будучи образованными от одного и того же прилагательного.

Форма *моревое* произведена от окказионального прилагательного *моревый*, которое отсутствует в языке Маяковского, но в большом количестве встречается в стихах Северянина. У обоих поэтов наречие *моревое* имеет значение «подобно морю; бурно, как море»; ср.:

В шумном платье муаровом,
в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите
моревое...
(Северянин. Кэнзели);

